

Посвящается моему отцу Кукину Григорию Александровичу

Снова будут сны и радости!
Разольются в поле сладости
Красных кашек, свежих трав.
Слух занежу в вешней прелести,
В шуме мошек, в лёгком шелесте
Вновь проснувшихся дубрав.

Валерий Брюсов

Я часто поражаюсь потаённым закуткам своей памяти. Кажется, давным-давно прошло милое и дорогое сердцу детство. Но память снова и снова возвращает меня «в прекрасное далёкое прошлое». И так занует, и заболит иногда душа: захочется хоть на миг возвратиться туда или хотя бы одним глазком взглянуть, всего одним, на те родные места малой родины, где я была безмерно счастлива. Увидеть милую сердцу деревеньку, родимый родительский дом, поле за околицей и убедиться, что всё это было в моей жизни реально. Особенно часто ностальгия посещает меня весной. Зимой она чаще всего бывает в сновидениях. Холод, вероятно, замораживает чувствительные струны души. Говорят, ностальгией

«болеют» только русские люди. А может быть, основной причиной её является весна – пора путешествий и миграций не только птиц, животных, но и людей: манит Родина.

Далёкие воспоминания навеяло мне стихотворение поэта Валерия Брюсова «Снова с тайной благодарностью...» в томе стихов «Зеркало теней», в котором он описывает милые ему места детства. На моей родине Вологодчине красный клевер с большими соцветиями мы тоже, как и на Родине Валерия Брюсова, называли «кашками». В Сибири это название я не слышала нигде, и с годами оно исчезло из моего лексикона. Почему «кашки»? Наверное, потому, что их засохшие головки мы ели с молоком, как кашу. Не было тогда у крестьян после зимы никаких круп в сусеках, а просо и гречиха на огородах ещё только начинали набирать цвет.

Росли кашки за околицей села в поле, расположенном сразу за нашим огородом и садом школы на надпойменной террасе высотой около пяти метров над уровнем воды реки Шингарь. А клевер с мелкими и белыми цветочками так и звали «клевер». Поле по детским меркам было огромным, ограниченным с севера рекой, с востока и юга лесом, а с запада – околицей моей деревни Пустошново, где и был наш дом.

Восточная окраина его имела более низкие отметки рельефа и упиралась в еловый лес, переходящий выше и вправо от реки, в лиственный берёзовый и осиновый. Там за лесом летним утром вставало солнце и будило меня, заглядывая ко мне через щели повети, где я спала на свежем душистом сене, заботливо укрытая мамой лоскутным одеялом. Будучи малыши, вглубь леса мы никогда не заходили. Наши матери строго-настрого запретили это делать, пугая страшными мужиками, сбжавшими с фронта. Действительно, многие жители видели их землянки в разных местах лесов, окружающих наши маленькие деревеньки со всех сторон.

Дезертиры были жителями соседней деревни, и их хорошо все знали. Физического вреда они никому не делали, только у ягодников и грибников отбирали еду. Даже в свидениях я захожу с опасением на опушку леса, боясь встретить там неприятных мне дезертиров – предателей Родины. Мы ненавидели их и боялись. За лесом стояла деревня Лаврентьево. В эту деревню через поле и лес вели две дороги: нижняя – ближе к реке и верхняя выше от неё. Мы собирали там грибы и ягоды, не боясь, только в двух случаях: когда с нами были взрослые или там не было дезертиров, о чём мы узнавали от родителей. Они часто меняли места обитания и уходили в болотистые леса за церковью Никола. Выловили их только в пятидесятые годы прошлого века.

По лесу, параллельно восточной окраине, бежал небольшой ручеёк Якша, впадающий в речку Шингарь. Участками ручей пересыхал летом, но весной и после сильного дождя он становился проточным, и переход через него вызывал некоторое затруднение. Чтобы не утопить обувь, мы, начиная с ранней весны, переходили его босыми. Ноги от жгучего холода воды становились красными, как у гусей лапки. В небольших углублениях ручья водились гольяны и вьюны. Мы умудрялись ловить их руками. Между прочим, пресноводные вьюны относятся к карповым рыбам, но по форме тела похожи на угрей и змей. Они очень неприхотливы: в пересыхающих ручьях и речках закапываются в ил и терпеливо ждут очередного дождя, быстро размножаются, имеют сладковатый и приятный вкус. Их мама готовила на сковородке с зелёным луком и небольшим количеством воды. Получалось необыкновенно вкусное блюдо. С тех пор вьюнов и гольянов я нигде не видела, но слышала, что в первые годы после войны они ещё водились в небольших ручьях и водных западинках в окрестностях Новосибирска.

Северная окраина поля упиралась в речку Шингарь. Небольшая по протяжённости река, в те времена была почти вся, за исключением редких омутов, заросшая сичинами (камышами), сладкие и белые корешки которых мы ели с большим удовольствием. Они напоминали вкус сладкого рассыпчатого картофеля. В результате нашей «работы» русло реки навсегда очистилось от камыша. Весной она широко разливалась, снося на своём пути мосты и лавы. Чуть выше долины шла дорога в деревни Введенское и Лаврентьево, пересекая ручей Якшу поблизости впадения его в реку Шингарь. Мы её звали «нижней» дорогой. Эти деревни расположены были рядом, но на разных берегах речки. В конце тридцатых годов от шалости детей деревня Введенское сгорела почти вся, остался только один небольшой домик на самом берегу, где жила портниха тётка Алевтина, да каменная церковь Введения с кладбищем, но разрушенная сразу после войны. Я от этой красивейшей, по словам старожилов, церкви уже видела только куски кирпичей и штукатурки, а в восьмидесятые годы прошлого века на её месте был небольшой холмик, поросший травой. Мы даже засомневались в происхождении его. Но сели помянуть родную сестру Иду, погибшую от руки хулигана, где рядом с церковью была её могила. Страшный пожар наблюдали мои старшие сёстры и даже помнят имена детей, устроивших из стога сена на повети костёр. Деревня в июльскую жару сгорела почти моментально. Её жители не успели вынести даже личные вещи, потому что почти все были на колхозной работе. Удалось спасти из здания школы только парты. С тех пор дети соседних деревень стали учиться в Пустошновской семилетней школе. При пожаре поднялся сильный ветер, горящие головни перелетали через речку в деревню Лаврентьево. Люди отстаивали свои дома, практически ловя их на лету, как зажигательные бомбы в войну в Ленинграде. Погорельцев

приняли к себе родственники и соседи, им помогали всем миром: несли кто домашнюю утварь, кто одежду, кто продукты. Посильная помощь погорельцам была непреложным законом жизни крестьян России. Но деревня так и не возродилась на этом месте уже никогда. И дома тётки Алевтины уже тоже давно нет. Я её очень хорошо запомнила. Мы с мамой ходили к ней за готовыми шитыми изделиями. Она с удовольствием обшивала нашу большую семью, девок, как мама говорила, и могла работать сутками, не отрываясь от машинки, лишь бы мама ей рассказывала что-нибудь хорошее о её возлюбленном товарище Наместникове. Его все знали: он был каким-то районным уполномоченным всей округи.

На южной стороне поля стояло большое гумно – овин, где обмолачивали снопы ржи, ячменя, пшеницы, льна молотилкой, приводимой в движение конной тягой, а наши матери на утрамбованном полу овина колотили снопы цепями. Дети всех возрастов помогали им сушить снопы в сушилке, где стояла огромная печь и много полатей, куда мы забрасывали и раскладывали снопы и подкладывали дрова в топку.

В раннее утро масленицы детвора собирала старые отжившие свой век домашние вещи: ящики, берестяные пестери, лукошки и туеса, сундуки, веники, голики, тряпки и свозила их на дорогу. Около гумна строили из этого хлама огромное чучело-стог надоевшей зимы, и вечером к нему собирался весь люд деревни: и стар, и мал. С радостными воплями и улюлюканьем жгли его, призывая долгожданную весну и тепло, и довольные далеко за полночь возвращались домой, чтобы назавтра в Великий пост начать говеть, то есть не есть мясного, не пить «молосного» и стараться не делать вреда ни природе, ни людям.

Недалеко от гумна проходила верхняя дорога, ведущая к южной окраине деревни Лаврентьево, а от неё шёл свороток в

деревню Ильдомово, и далее – в сёла Старое и Новое и к пристани Исады на реке Сухона, в которую впадала наша речка Шингарь. В соседние деревни я предпочитала ходить верхней дорогой. Переправиться через ручей Якша, также пересекающий верхнюю дорогу, можно было без труда, прыгая с камня на камень. Они в изобилии водились в верхнем его течении. В лесу было суше и светлее, потому что там росли лиственные деревья: высокие берёзы, осины, рябины и ивы.

Особенно я любила осины. Мне нравились их листочки, похожие на листья травы мать-и-мачехи. Одна сторона гладкая прохладная – мачеха, а другая тёплая, нежная и бархатистая – мать. Осину не спутаешь ни с каким другим деревом, и по цвету листвы и ствола и по стати она отличалась от остальных деревьев. Подходя к опушке леса, её видно издали не только по трепещущей листве: при лёгком дуновении ветра листочки осины задираются вверх, и дерево приобретает салатно-серебристую праздничную окраску; при штиле становится снова светло-зелёной; при ветре, предшествующем грозе, издаёт тревожный и печальный звук, отличающийся от общего шума леса, как соло скрипки в оркестре. Мне всегда казалось, что осина что-то рассказывает, надо только внимательно слушать, ласково поглаживая её мягкую приятную кору. И тогда услышишь, как её постоянно колышущиеся листочки радостно приветствуют тебя и делятся своими секретами и необыкновенным счастьем. Осенью багряный цвет листьев говорил мне о торжестве и красоте жизни, уходящей после праведных летних трудов на заслуженный отдых. Долгую зиму она будет спать и терпеливо ждать меня снова весной.

Южная половина поля занимала более высокие отметки рельефа, где, соблюдая севооборот, сажали картофель и сеяли разные злаки: рожь, овёс, ячмень, лён. Камней и валунов на ней не было. Видимо, её очистили от них ещё перед войной,

откатывая их на северную половину поля. Ранней весной мы ходили по картофельному участку и собирали замерзшие и гнилые клубни, случайно оставленные в земле после уборки осенью, чтобы, за неимением муки, испечь «пахучие» лепёшки.

Лён-долгунец выращивали тогда многие колхозы Вологодчины. Всю агротехнику посевов льна и получения из него полуфабриката – тресты – я помню до сих пор, потому что часто, по мере сил, все дети работали рядом с матерями. В военные и первые послевоенные годы сеяли его женщины из лукошек, висящих на ремнях наискосок груди. Шли параллельно краю поля через определённое расстояние друг от друга, равное раскинутым рукам женщин, брали горстью семена правой рукой и резко описывали ею перед собой дугу. Получались красивые всходы полукружиями, нежного зелёного цвета. Особенно красив лён в пору цветения. Говорят, природа севера бедна красками. Неправда! Увидишь цветущий лён, и никогда не забудешь эту скромную, но пронзительную по красоте картину. Как будто перед тобой лежит озёрная голубая гладь, мягко колышущая свои тёплые приветливые воды! А вологодские луга, с богатым разнотравьем и цветами воодушевляют поэтов, писателей и художников творить и создавать новые шедевры, удивляя мир обилием талантов на русской земле. Дёргать лён выходили всей деревней: и стар, и мал. Наша бабушка Варвара тоже принимала участие в этой работе, несмотря на свой пожилой возраст и трясущиеся руки. Дети ставили суслоны из снопов для просушки и дальнейшего обмолота их на гумне. На гладком полу овина льносемя лежало большими кучами, переливаясь на свету, как дорогие ткани шёлка или атласа. Между пальцами оно текло приятными струйками, как «живая» тёплая вода. Обмолоченные снопы свозили вниз в долину реки, где расстилали их тонкими ак-

куратными рядами по всей долине, оставляя их мокнуть и выветриваться в течение не менее двух месяцев. Отмякший и отмокший под осенними дождями лён складировали в сарай, стоящий недалеко от реки. Его называли уже не льном, а трестой. Сдавали её государству на приёмный пункт.

Северная часть поля изобиловала валунами разных размеров и цветов, преимущественно гранитного состава, принесённых древними ледниками с далёких Скандинавских гор. Но в военные и послевоенные годы их не убирали – не хватало мужских рук. И кашки быстро заселили этот луг, гостеприимно разрешая цвести рядом с собой в изобилии ромашкам, купальницам (жарки, по-сибирски), колокольчикам, кошачьим лапкам, цыганскому мылу, злаковым травам и луговым гераням. Около камней пряталась полевая земляника, незаметно цветущая среди ярких полевых цветов в мае, а в начале июля радостно давала о себе знать, выглядывая из травы красными спелыми капельками ягод, так и просящимися прямо в рот. Кашки благоухали мёдом, дурманя детвору и привлекая множество пчёл. Я не припомню случая, чтобы нас ужалила хоть одна пчела. Может быть, и жалила, но мы не поднимали рёва, как городские дети: грубые и толстокожие голые пятки и дублёная от загара кожа деревенских детей гасили боль укусов. И более того, идя на луг за земляникой и кашками, мы даже не мазались дёгтем от гнуса. Жаркими июльскими днями он улетал в долины рек и ручьёв, в тальники и высокие травы. Мы рвали головки цветущих кашек, жевали их, высасывая нектар, уподобляясь языческим богам Древней Эллады, а подсохшие головки, экономя муку, наши мамы добавляли в тесто. Свежие головки кашек и собранную землянику смешивали в одном деревянном блюде, заливали молоком или сметаной, и с большим удовольствием уплетали эту ароматную «кашку» самодельными деревянными ложка-

ми, разнообразя небогатый в ту пору рацион питания, выживая в тяжёлые послевоенные годы. И только теперь поняли, что дикорастущие травы и ягоды сберегли наше здоровье на всю оставшуюся жизнь.

Недалеко от моста в излучине реки камней не было – их уносила река во время бурных и широких разливов, и там сеяли и выращивали колхозный турнепс. Ах! Каким сладким он тогда нам казался! Грядки с турнепсом не охранялись, и на них мы частенько делали «набеги». Поедая его, коровы давали хорошие надои, а ребятня – привесы и крепкое здоровье.

Западная сторона поля примыкала к моей деревне Пустошиново, то есть была её и моего дома околицей. В юго-западном углу стояла школа с огромным садом, образующим квадрат с аллеями из тополей, берёз, черёмух и яблонь. Двухэтажная деревянная школа с большими окнами, просторными классами и тёплым туалетом не была видна за высокими деревьями сада. На первом этаже располагались комнаты для директора школы и уборщиц. На второй этаж в учебные классы вела широкая лестница с перилами и резными балясинами. Площадь перед школой служила для спортивных занятий на турнике, брусках, перекладине и бревне. Мы часто играли в этом саду летом, ходили и прыгали по бревну на одной ножке, шагали на ходулях и висели, как лягушки, на турнике. Каменистая северная часть поля служила в годы войны учащимся старших классов, среди которых были и мои сёстры, для занятий военной подготовкой. Я часто стояла у забора нашего огорода и наблюдала, как они в белых маскхалатах ползали по-пластунски в снегу с деревянными автоматами и штыками в руках и шли в атаку на предполагаемого врага. Очень завидовала им и мечтала стать скорее взрослой.

Поле за околицей памятно мне своими яркими красками не только в летнюю пору, оно неизгладимо стоит в глазах

белой до синевы, накрахмаленной, хрустящей и слепящей глаза картиной чистого мартовского снега. Яркое, высокое и приветливое солнце по-весеннему, радостно сияя, днями заметно пригревало, заставляя снег постепенно таять, оседать и уплотняться, ночами замерзать, образуя к утру плотный и надёжный наст, по которому я маленькой шестилетней девочкой шла, не проваливаясь, через поле напрямик по диагонали к отцу в деревню Ильдомово, где он жил с другой женщиной, имеющей четверых детей от первого мужа. Моё маленькое сердце сжималось от горя и непонимания случившегося несчастья. Но послевоенная бедность и забота о моём здоровье, по-видимому, заставляли маму посылать меня каждую весну к отцу с просьбой сшить мне сапожки. Может быть, это была инициатива отца, я не знаю. Он, ко всем его хозяйственным талантам и занятости (председатель колхоза), был умелым сапожником, но шил их только мне – его последней дочке. Отец снимал мерку с моей ножки и каждый раз говорил, что сапожки будут готовы только через неделю. До сих пор в глазах у меня стоит неизгладимая картина: маленькая деревенская девочка в больших, не со своей ноги, подшитых валенках и в клетчатой шерстяной шали на голове, завязанной крест-на-крест поверх ватной телогрейки (по-вологодски, «куфайки»), ранним утром шагает одна навстречу солнцу (и жизни) по снежному чистому насту большого поля. Слезы застилают её глаза: то ли от яркого весеннего солнца, то ли от горя, то ли от предстоящей, неприятной для неё, встречи со второй семьёй отца. При встрече я не припомню у отца на лице большой радости. По словам моих старших сестёр, он был скрытным человеком, спокойным, уравновешенным, никогда детей не наказывал и строго-настроено запрещал это делать маме, помогал им в учёбе по математике, приучил к чтению литературы. В мой день рождения я «форсила» уже в новых, ладных, ещё не совсем

прокрашенных красновато-коричневых хромовых сапожках, приятно пахнущих дёгтем и модно поскрипывающих. Тогда для скрипа между стельками клали бересту.

Многие годы и десятилетия я не могла простить отца за то, что бросил нас, семерых детей. Особенно обидно мне было за маму. Мы всю войну так ждали его домой! Прощение в моей душе наступало постепенно, но, к сожалению, окончательное осознание его пришло после смерти отца. На фотографии его грудь украшают орден и медаль славы, а другие за различные «взятия». Я поняла, что он был храбрым солдатом, значит, героем нашего рода. И теперь я уже два года в День Победы хожу с его портретом в колоннах Бессмертного полка, и мужчины, идущие рядом, с уважением спрашивают: «Это ваш отец?» И я с гордостью отвечаю: «Да». Слава отца перешла по наследству нам – его детям. Мои годы, жизненный опыт и поле за околицей, где мы весной 1945 года встречали отца с войны, помогли мне понять и простить его.

Поле за околицей незабываемо мною не менее, чем мой родительский дом и родная деревенька. Они были моей жизненной школой. Благодаря им, мне стал понятен смысл русской поговорки, услышанной впервые от мамы, и не раз, и не два повторяемой ею: «Летний день год кормит», – тем самым побуждая нас детей и себя делать очередную работу в поле именно сегодня, не откладывая на завтра. Родительский дом, мои родители и поле были моей Малой Вселенной, где я училась общению с людьми, русскому языку, добру, культуре, любви, бережному отношению к природе, терпению и прощению, трудолюбию и настоящему патриотизму. Они дали мне путёвку в Большой Мир и предопределили дальнейший жизненный путь.

18.07.2016 г.